

УДК 811.161.1

Е. Д. Козлов

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ РЯДОВ В ИДИОСТИЛЯХ Б. АХМАДУЛИНОЙ И Ю. МОРИЦ

Є. Д. КОЗЛОВ. ОСОБЛИВОСТІ ФУНКЦІОНУВАННЯ МОРФОЛОГІЧНИХ РЯДІВ В ІДИОСТИЛЯХ Б. АХМАДУЛІНОЇ І Ю. МОРИЦ

У статті аналізуються особливості функціонування морфологічних рядів в ідіостілях Б. Ахмадуліної і Ю. Моріц. Характеризуючи ряд як один з найбільш частотних результатів морфологічного відбору, ми виходимо з широкого розуміння ряду та розглядаємо як ряди однорідних членів речення, звернень, номінативних та інфінітивних речень, так і вертикальні ряди, формування яких зумовлено віршовою структурою. Аналіз особливостей формування морфологічних рядів та функціонування рядів в поетичних текстах Б. Ахмадуліної і Ю. Моріц дає підстави зробити висновок про належність поетичного ідіостілю Б. Ахмадуліної до художніх систем класичного типу, а поетичного ідіостілю Ю. Моріц – до художніх систем вибіркового типу.

Ключові слова: морфологічний ряд, морфологічна селекція, ідіостіль, художня система, поетична універсалія, класичний тип, вибіркового типу.

Е. Д. КОЗЛОВ. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ РЯДОВ В ИДИОСТИЛЯХ Б. АХМАДУЛИНОЙ И Ю. МОРИЦ.

В статье анализируются особенности функционирования морфологических рядов в идиостілях Б. Ахмадулиной и Ю. Моріц. Характеризуя ряд как один из наиболее частотных результатов морфологического отбора, исходим из широкого понимания ряда и рассматриваем как ряды однородных членов предложения, обращений, номинативных и инфинитивных предложений, так и вертикальные ряды, формирование которых обусловлено стиховой структурой. Анализ особенностей формирования на основе категориальной селекции морфологических рядов и их функционирования в поэтических текстах Б. Ахмадулиной и Ю. Моріц дает основания сделать вывод о принадлежности поэтического идиостіля Б. Ахмадулина к художественным системам классического типа, а поэтического идиостіля Ю. Моріц – к художественным системам избирательного типа.

Ключевые слова: морфологический ряд, морфологическая селекция, идиостіль, художественная система, поэтическая універсалія, классический тип, избирательный тип.

I. D. KOZLOV. THE PECULIARITIES OF MORPHOLOGICAL ROW FUNCTION IN B. AKHMADULINA'S AND Y. MORITZ'S INDIVIDUAL STYLES.

The article analyzes the peculiarities of morphological row function in B. Akhmadulina's and Y. Moritz's individual styles. The row is characterized as one of the most frequent results of morphological selection. We proceed from the broadest concept of the row and take into account such rows as the rows of homogeneous parts of the sentence, the rows of addresses, nominative rows, infinitive rows and vertical rows which are formed by the poetic structure. The analysis of the formation of morphological rows on the basis of morphological selection and their function in B. Akhmadulina's and Y. Moritz's poems shows that B. Akhmadulina uses three- and four-component rows, i.e. the rows of regular length, therefore keeping to the existing poetical tradition and accordingly possessing an artistic systems of classical type. Y. Moritz uses both the rows of regular length and the rows of supramaximal length (7 and more components) and the series of rows that have a complex interaction, therefore her individual style can be characterized as an artistic system of selective type.

Key words: morphological row, morphological selection, individual style, artistic system, poetic universal, classical type, selective type.

© Е.Д. Козлов, 2016

<http://doi.org/10.5281/zenodo.165454>

Одним из самых частотных результатов морфологической селекции (категориального отбора) является формирование рядов однородных граммем. Понятие ряда ввел в филологический оборот В. В. Виноградов [2, с. 375]. Широкое понимание ряда использует в своих работах Е. А. Скоробогатова (например, [14]), считая морфологический ряд в стихотворном тексте результатом морфологической селекции. О. Н. Голикова, исследовавшая функционирование номинативных и инфинитивных рядов в художественном тексте, отмечает, что «в русской филологии понятие ряда фигурирует в самых разнообразных контекстах, в него вкладывают разные смыслы. В общем смысле *рядом* называется любая последовательность одноуровневых компонентов, связанных определенными закономерностями» [4, с. 25]. Вслед за указанными исследователями, мы понимаем ряд в широком смысле слова, рассматривая как ряды однородных членов предложения, обращений, номинативных и инфинитивных предложений, так и вертикальные ряды, формирование которых обусловлено стиховой структурой.

Целью нашей статьи является анализ особенностей функционирования морфологических рядов в поэтических идиостилиях Б. Ахмадулиной и Ю. Мориц.

Формирование рядов является поэтической универсалией. В качестве регулярных принято рассматривать трех- четырехкомпонентные ряды. Они встречаются в творчестве практически всех поэтов XIX–XXI веков, в том числе и в идиостилиях Б. Ахмадулиной и Ю. Мориц: *Они исполнили тяжёлую повинность / подснежников, отчаянья и писем* (Б. Ахмадулина «Пятнадцать мальчиков») [1, с. 32]; *Покорялись руки бедные, / обнимали сгоряча / и взвивались пальцы белые / у цыгана-скрипача* (Б. Ахмадулина «Старинный портрет») [1, с. 57]; *...Столько раз / я знала здесь печаль и гордость / и нежную шагов нетвёрдость, / и нежную незрячесть глаз* (Б. Ахмадулина «Сон») [1, с. 68]; *И ветер, и тополь, и вопли метели, / И вихри, летящие мимо окон...* (Ю. Мориц «Вьюга») [8, с. 340–341]; *Я с гениями водку не пила / И близко их к себе не подпускала. / Я молодым поэтом не была, / Слух не лелеяла и взоры не ласкала* (Ю. Мориц «Я с гениями водку не пила...») [13, с. 30].

Во многих случаях ряды не только морфологически единообразны, но и синтаксически однородны: *И широк дивный выбор всевышних щедрот: / ямб, хорей, амфибрахий, анапест и дактиль* (Б. Ахмадулина «Зимняя замкнутость») [1, с. 77]; *Пусть женщина, капризница, мотовка, / тебя целует и грозит тебе!* (Б. Ахмадулина «Павлу Антокольскому. I») [1, с. 11]; *Отныне будешь, славный муж и воин, / там, где Лаура, Беатриче, Керн* (Б. Ахмадулина «Теперь о тех, чьи детские портреты...») [1, с. 135]; *А теперь замело облаками / То созвучье, соцветье, созвездье...* (Ю. Мориц «На вечерней заре») [8, с. 209]; *Над головою – облака, / Ни потолка, ни стен, ни окон...* (Ю. Мориц «Вот здесь мой дом, он – в русской речи...») [10, с. 88].

Стиховая структура, например, локализация в разных стиховых рядах, позволяет выделять в однородном ряду смысловые блоки: *Зашарканные враньём – / Гладким, корявым, искренним, / Проникновенным и выпрепленным...* (Ю. Мориц «Если бы знать заранее...») [8, с. 178]. В данном случае пятикомпонентный ряд однородных членов организуется в два блока, каждый из которых составляет смысловое единство. Блокирование происходит благодаря локализации и действию в стихе закона единства и тесноты стихового ряда.

Частеречное подобие может быть усилено внутрикатегориальным, например, подобием по числу и/или роду: *Оно красю роз возросших / питает слух, и нюх, и взгляд* (Б. Ахмадулина «Сад») [1, с. 182]; *Трое мне там окрыляют шатёр – / Тонкое, Вечное, Юное!* (Ю. Мориц «Уроки расставанья») [11, с. 67].

Совпадение границ грамматического и стихового ряда служит смысловому и интонационному его выделению. Например: *Юный, жадный, сладострастный / Царь Сицилии убит* (Ю. Мориц «Юный, жадный, сладострастный...») [11, с. 118]; *Судьбой судеб, чья высь и глубь – / Кругами, кольцами, слогами...* (Ю. Мориц «Весна») [12, с. 23]; *И все сливалось, как в слезах: / Стрекозы, ласточки, кувшинки...* (Ю. Мориц «Рождение скульптуры») [13, с. 117]. Такие ряды более типичны для поэзии Ю. Мориц.

Локализация членов ряда в разных стихах служит смысловому и интонационному членению ряда: *И мокли волосы Медеи, / Вплетаясь утром в водопад, / И капли сохли, и мелели, / И загорались невпопад* (Б. Ахмадулина «Грузинских женщин имена») [1, с. 13]. Нередко отдельно локализованный элемент осложняется согласованным или несогласованным определением: *...эти трое – сердце, роза, / раскалённая звезда* (Ю. Мориц «На балконе, в небосклоне...») [11,

с. 65]; *Сорочки в целлофане, / Тарелки, кружева! / Чтоб в щёку целовали, / Пока я не жена* (Б. Ахмадулина «Невеста») [1, с. 8].

В однородном грамматическом ряду могут быть объединены грамматические варианты слова: *Снега, снегопады, великие снега!* (Ю. Мориц «Снегопад») [9, с. 13].

Ряд может быть представлен субстантивами в одной падежно-числовой форме: *Узнаю легко твой цвет / В красном, жёлтом и лиловом!* (Ю. Мориц «Тюльпан») [13, с. 74]; *Я не владею испанским, немецким, французским. <...> Я не владею персидским, китайским, японским. <...> Я не владею морским, деревенским, спортивным* (Ю. Мориц «Мой кругозор») [13, с. 65]. (В первом случае ряд образуют субстантиваты в форме предложного падежа единственного числа, во втором – творительного падежа единственного числа). Субстантивное значение ('цвет' в первом случае и 'язык' во втором) определяется контекстуально. В последнем примере субстантивная семантика элементов первого ряда субстантиватов (*персидский, китайский, японский*) помогает понять значение второго (*морской, деревенский, спортивный*).

В поэзии Ю. Мориц встречаются случаи обратной контекстуальной трансформации языковых субстантиватов в разряд прилагательных, связанные с морфолого-синтаксическим соответствием внутри ряда. Например: *Да, по закону, привет почтальону – / Велосипедному, конному, пешему, / А заодно водяному и лешему, / Всем почтальонам – привет!..* (Ю. Мориц «Снегом по воздуху, белым по белому...») [10, с. 34]. Этот прием является довольно редким способом актуализации грамматической внутренней формы слова.

Глагольный однородный грамматический (морфолого-синтаксический) ряд обычно представлен глаголами в одинаковой грамматической форме, с соответствием времени, лица и числа: *от счастья пашем, пишем, пляшем* (Ю. Мориц «Неуязвимость») [8, с. 332]; *И всё, что ныне беспощадно судишь, – / Ты пощадишь, помилуешь, спасёшь!* (Ю. Мориц «Ты молод и свиреп, но знай, что будешь...») [13, с. 75]. Регулярно совпадает и вид глаголов, являющихся элементами ряда.

С помощью временной глагольной парадигмы передается «полнота действий и состояний (полнота бытийности)» [14, с. 410–411]: *И ты увидишь с ним наедине, / Что был он, есть и будет черно-белым, / Переливаясь в каждой глубине* (Ю. Мориц «Ты молод и свиреп, но знай, что будешь...») [13, с. 75]. Такие примеры в лирике Б. Ахмадулиной и Ю. Мориц единичны, но весьма выразительны. Они продолжают русскую поэтическую традицию, и их можно считать грамматическим поэтизмом.

Глагольный ряд может быть представлен формой инфинитива: *...ведь никогда им так не пахнуть, / как это делают сады. // Им на губах не оставаться, / им не раскачивать шмеля, / им никогда не догадаться, / что значит мокрая земля* (Б. Ахмадулина «Цветы») [1, с. 8]; *Незабвенный Вергилий, народами круто рулить, / Диктовать им условия мира, милость покорным являть, / Подавлять войною надменных...* (Ю. Мориц «Развратная роскошь») [10, с. 45]. Инфинитивные ряды выразительны и семантически весомы, что связано с особым статусом этой формы (ее глагольно-именной семантикой [3], прегнантностью [4], поэтической прецедентностью [6], [7], [4], [5]). В некоторых случаях инфинитивный ряд, образованный повтором одного глагола, передает идею многократности или интенсивности действия: *Цветок взорвался и взлетел, / И начал плавать, плавать, плавать* (Ю. Мориц. «Рождение скульптуры») [13, с. 117]. Ряд, образованный повторяющимся инфинитивом, лишенным категориальных значений времени, числа и склонения, подчеркивает корневую семантику, прегнантность формы, расширяет смысловой ореол слова.

Встречаются в лирике изучаемых авторов наречные ряды – как линейные: *Не мертво, не пусто и не слепо / В звонкости твоей, Аменхотеп* (Ю. Мориц «Гипсовая плоть Аменхотепа...») [8, с. 276]; *Глеет осень в каждой нише / Ржаво, гнилостно, желто* (Ю. Мориц «Куст на крыше») [11, с. 6], так и вертикальные: *Но как же всё напрасно, / но как же всё нелепо! / Тебе идти направо. / Мне идти налево* (Б. Ахмадулина «Я думала, что ты мой враг...») [1, с. 33]. В данном случае последовательные двучленные вертикальные ряды поддерживают и дополняют друг друга.

Формирование линейных и вертикальных рядов выполняет звуковую функцию, так как морфологически однородные граммы часто имеют одинаковые суффиксы. Особенно ярко

эта функция выражена в строфах, где элементы вертикального ряда находятся в позиции рифмы. Все вертикальные ряды выполняют ритмо-мелодическую функцию.

Создаются в рассматриваемых идиостилиях и наречные ряды, передающие значения времени (в следующем примере «всегда», «во все времена»): *Шкура моя в цене – / завтра, вчера, теперь!..* (Ю. Мориц «Дивный какой я зверь...») [9, с. 11].

Внутри именного или глагольного ряда может создаваться родовая полнота. Поэтический смысл, возникающий в таких сочетаниях, связан с идеей смысловой полноты: *Приветствуют во мне при встрече / Своё освобождение, нормальный сон и пищу...* (ср. р, м. р., ж. р.) (Б. Ахмадулина «Пятнадцать мальчиков») [1, с. 32]; *Две радуги, два неба, два огня...* (ж. р., ср. р, м. р.) (Б. Ахмадулина «Мотороллер») [1, с. 24]. Б. Ахмадулина продолжает классическую русскую поэтическую традицию передачи идеи смысловой полноты объединением в ряд существительных трех родов (см. подробно: [14, с. 410–420]).

У Ю. Мориц частотны местоименные ряды, типичные для поэзии новейшего времени, например: *Голосов не счесть, / шорохов полно, / в дюнах кто-то есть – / он? она? оно?* (Ю. Мориц «Море да песок...») [9, с. 159]. В данном случае линейный местоименный ряд – *он, она, оно* – формирует семантику неопределенности, подчеркнутую пунктуационно (вопросительными знаками) и соответствующую местоимению *кто-то* («некто»), употребленному в предыдущем стихе. В стихотворении Ю. Мориц «Дар неотвечанья» местоименный ряд *она, оно, он* имеет значение взаимодополнительности, цельности: *Не ты ли сам?.. И не оно ли в глубинах, / Которая – она, оно и он?..* (Ю. Мориц «Дар неотвечанья») [12, с. 43]. Значение взаимодополнительности и объединения выражает местоименный ряд в стихотворении Ю. Мориц «Яд обид, яд обид...»: *Яд обид, яд обид – / Это значит, я добит, / Ты добита, мы добиты... / Все обиды – ядовиты* (Ю. Мориц «Яд обид, яд обид...») [12, с. 52]. Линейные трехчленные местоименные ряды представлены и в стихотворении Ю. Мориц «Треугольник», где они поддерживаются и создаваемыми поэтом семантическими соответствиями в горизонтальных падежно-числовых рядах: *Море, свиток вулкана и ветер, – / это я, это он, это вы. <...> Ветер, свиток вулкана и море, – это вы, это он, это я. <...> Море, ветер и свиток вулкана, – / это я, это вы, это он.* Количественный параметр в этом стихотворении поэтически значим: *...лишь трёхчастное может быть целым* (Ю. Мориц «Треугольник») [8, с. 222].

Нередко Ю. Мориц использует несколько рядов в одном стихотворном тексте. Так, трехкомпонентный ряд аппеллятивов в форме множественного числа в первой строфе стихотворения Ю. Мориц «Точное время» продолжается и поддерживается трехкомпонентным рядом топонимов, имеющих сингулярную форму: *Самое точное время показывает архаика – / Раскопки, руины, развалины Древней Греции, Рима, Египта,* а в последней строке этой строфы представлен еще один четырехкомпонентный ряд субстантивов женского рода: *Мумия, пряжка, стопка, буква из манускрипта.* В следующей строфе – трехкомпонентный однопадежный плюралный ряд: *В странах, где население не истребляет мусор / Древних развалин, статуй без рук, без ног, без причёсок...* (Ю. Мориц «Точное время») [12, с. 27]. Многочленность первого плюралного ряда подчеркивает идею множественности, элементы сингулярного ряда топонимов объединяются в смысловой блок, имеющий общий определитель.

Если для Б. Ахмадулиной характерны гармоничные трех- и четырехкомпонентные ряды, то у Ю. Мориц встречаются как ряды нормативной, так и ряды ненормативной (состоящие из 5, 6, 7 компонентов) и даже сверхмаксимальной длины (более 7 компонентов), а также цепочки рядов. Многочленные ряды в ее творчестве частотны. Например: *Чар твоих египетская юность, / Затаённой силы красота – / Это звёздность, солнечность и лунность, / Скулы скал и алгоритм куста* (Ю. Мориц «Гипсовая плоть Аменхотепа...») [8, с. 276]; *Мир перевернут, мать, отец, / Луна и дом, свеча и посох, / И храм поставлен на кресте, / И пасторы – в жалчайших позах!* (Ю. Мориц «Читая “Фауста”») [13, с. 113]; *Тебя бы сделали примерной / гражданкой, матерью, женой, / агентом фирмы парфюмерной, / хозяйкой лавки кружевной, / врачом, таксистом, прокурором, / артисткой, доктором наук...* (Ю. Мориц «Любви прелестная служанка...») [8, с. 358]; *Я многое тащила на горбу: / Мешки с картошкой, брёвна и вязанки, / Детей, калек, чугунную трубу – / И я лишилась царственной осанки* (Ю. Мориц «И отразилось в зеркале напротив...») [8, с. 347]. В последнем примере многокомпонентный ряд с преобладанием форм множественного числа формирует семантику «все что угодно», связанную с труд-

ным жизненным опытом лирической героини, которой досталась нелегкая судьба – пришлось все вынести на своих плечах. Регулярное использование подобных многочленных рядов свидетельствует об отношении к приему по избирательному типу.

Встречаются случаи, когда один из компонентов ряда несет в себе семантику обобщения: *Один на всех – он предок наш, он спас / Всё человечество, красивых, некрасивых, / Талантливых, бездарных, всех подряд* (Ю. Мориц «Пещерный человек – в любом из нас...») [12, с. 47]. В данном примере собирательное существительное *человечество* имеет обобщающую семантику, которая поддержана семантикой местоимений *всё, всех*, благодаря чему остальные компоненты ряда, представленные субстантивами *красивых, некрасивых, талантливых, бездарных*, выполняют уточняющую функцию.

Морфолого-синтаксические ряды в поэзии регулярно формируются за счет отбора абстрактных существительных. Например: *Войти? Как можно? Сколько раз / я знала здесь печаль и гордость, / и нежную шагов нетвёрдость, / и нежную незрячесть глаз* (Б. Ахмадулина «Сон») [1, с. 68].

В стихотворении «На вечерней заре» Ю. Мориц выстраивает ряды абстрактных существительных, создавая для формирования морфологического и смыслового единства ряда окказиональные слова: *Эту каменность, эту кирпичность, / Эту стройность в колосьях заката, / Эти сумерки, вхожие в личность, // Эту замкнутость, эту гранённость, / Свежесть мяты, бессмертника чёрствость, / Этих выступов чернозелённость, / Этих выбоин зеленочёрность. <...> Ближе слёз, застилающих местность, / Чтоб оплакать её остранённость, / Эту замкнутость, эту гранённость, / Эту каменность, чернозелённость!* (Ю. Мориц «На вечерней заре») [8, с. 209]. Ряд, представленный в последнем фрагменте, объединяет узуальные и окказиональные лексемы. Его элементы входят в состав разных предикативных единиц, что является характерным для вертикальных рядов, которые часто строятся по принципу синтаксического параллелизма. Например: *Кричат они: – Какой верна присяге, / царица, ты в суровости своей? – / я говорю: – Царевичи, присядьте. / Царевичи, стойте у дверей* (Б. Ахмадулина «Несмеяна») [1, с. 24]; *Удавился он цепью, / Обманул он судьбу, / Обмочил он траву...* (Ю. Мориц «Туча») [10, с. 100].

В лирике Ю. Мориц нами отмечено использование многочленных рядов собственных имен, значимых для культурной традиции, со значением полноты (в данном случае «все великие»): *Об этом же говорили / Ахматова, Пастернак, / Репин, Куприн, Шаляпин, / Кустодиев, Капабланка, / Раневская, Заболоцкий, / Эйнштейн, Агата Кристи, / Ландау и Сименон* (Ю. Мориц «Вечер поэзии») [8, с. 235].

В стихотворениях Ю. Мориц встречаются сложные случаи формирования рядов. Например, такие, где последовательные цепочки двух разных рядов за счет общности падежной формы создают иллюзию единства, цельности и непрерывности ряда. В следующем примере причастный ряд и ряд, представленный существительными в творительном падеже, взаимодействуют и поддерживают друг друга: *Иначе ты будешь рабом, / Затравленным, битым, убитым / Событиями, пошлостью, бытом / И всем, что творится кругом* (Ю. Мориц «Собою и только собою...») [10, с. 18].

Пример сложного взаимодействия рядов находим в стихотворении Ю. Мориц «Монолог винтика»: *...но хуже то, что кончились титаны, / перевелись гиганты, исполины, / гераклы мысли, прометеи духа – / я говорю, – гераклы нашей мысли / и нашей силы духа прометеи. / Колоссы, великаны, великаниши...* (Ю. Мориц «Монолог винтика») [8, с. 284]. В приведенном фрагменте представлены два взаимодействующих ряда. К первому морфолого-синтаксическому ряду – *гиганты, исполины, гераклы, прометеи* – за счет стиховой структуры относится и существительное *титаны*, входящее в другую предикативную единицу. К этому числовому ряду примыкает и поддерживает его другой подобный ряд: *гераклы, прометеи, колоссы, великаны, великаниши*. За счет интереса к гендерной актуализации родовая однородность сознательно нарушается поэтессой, и ряд существительных мужского рода завершается словом женского рода – *великаниши*. Наличием многочленных рядов характеризуются многие стихотворения Ю. Мориц, например, «Притча», «Вечер поэзии», «Секретная статистика». Пересечение рядов создает особый орнаментальный рисунок, характерный для поздней лирики Ю. Мориц.

Анализ особенностей формирования на основе категориальной селекции морфологических рядов и их функционирования в поэтических текстах Ю. Мориц и Б. Ахмадулиной дает основания утверждать, что Б. Ахмадулина использует гармоничные трех- и четырехкомпонентные ряды, т. е. ряды нормативной длины, оставаясь в рамках сформировавшейся русской поэтической традиции, что сближает ее художественную систему с системами классического типа. Для творчества Ю. Мориц характерно регулярное использование как рядов нормативной, так и рядов ненормативной и даже сверхмаксимальной длины (более 7 компонентов), а также сложно взаимодействующих цепочек рядов, что позволяет рассматривать ее поэтический идиостиль как художественную систему избирательного типа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахмадулина Б. А. Собрание сочинений в одном томе / Белла Ахатовна Ахмадулина. – М.: Издательство «АЛЬФА-КНИГА», 2012. – 856 с.: ил. – (Полное собрание в одном томе).
2. Виноградов В. В. О поэзии Анны Ахматовой (стилистические наброски) / В. В. Виноградов // Поэтика русской литературы. Избранные труды. – М.: Наука, 1976. – С. 369–459.
3. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): Учеб. пособие для вузов / [отв. ред. Г. А. Золотова] / Виктор Владимирович Виноградов. – 3-е изд., испр. – М. Высшая школа, 1986. – 640 с.
4. Голикова О. Н. Номинативные и инфинитивные ряды в художественном тексте: дисс. ... канд. филолог. наук: 10.02.02 / Голикова Оксана Николаевна. – Харьков, 2011. – 244 с.
5. Голикова О. Н. Языковые средства передачи «логики бесконечного небытия» в стихотворении Даниила Хармса / Оксана Николаевна Голикова // Русская филология. Украинский вестник: Республиканский научно-методический журнал. – Харьков, 2007. – № 2–3(33). – С. 96–101.
6. Жолковский А. К. Бродский и инфинитивное письмо: материалы к теме / Александр Константинович Жолковский // Новое литературное обозрение. – 2000. – № 45. – С. 187–198.
7. Жолковский А. К. Инфинитивное письмо и анализ текста: «Леиклос» Бродского / Александр Константинович Жолковский // Поэтика исканий, или Поиск поэтики: Материалы международной конференции-фестиваля «Поэтический язык рубежа XX–XXI веков и современные литературные стратегии» (ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН). – М.: Азбуковник, 2004. – С. 132–150.
8. Мориц Ю. П. В логове голоса: Книга стихотворений / Юнна Петровна Мориц. – М.: Московский рабочий, 1990. – 398 с.
9. Мориц Ю. П. Не бывает напрасным прекрасное / Юнна Петровна Мориц. – М.: Эксмо, 2006. – 352 с.
10. Мориц Ю. П. По закону – привет почтальону / Юнна Петровна Мориц. – М.: Время, 2006. – 576 с., ил.
11. Мориц Ю. П. Синий огонь: Стихи / Юнна Петровна Мориц. – М.: Советский писатель, 1985. – 192 с.
12. Мориц Ю. П. Сквозеро / Юнна Петровна Мориц. – М.: Советский писатель, 2014. – 576 с., ил.
13. Мориц Ю. П. Третий глаз / Юнна Петровна Мориц. – М.: Советский писатель, 1980. – 144 с.
14. Скоробогатова Е. А. Грамматические значения и поэтические смыслы: поэтический потенциал русской грамматики (морфологические категории и лексико-грамматические разряды имени): Монография / Елена Александровна Скоробогатова. – Харьков: НТМТ, 2012. – 480 с.

(Статья поступила в редакцию 1 октября 2016 г.)